

Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный дискурс

Валерий Васильевич

МАРКИН

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: markin@isras.ru

ResearcherID: B-5161-2016

Анатолий Николаевич

СИЛИН

Западно-Сибирский филиал Института социологии ФНИСЦ РАН

Тюмень, Российская Федерация, 625003, ул. Ленина, 16

Тюменский индустриальный университет

Тюмень, Российская Федерация, 625000, ул. Володарского, 38

E-mail: sm-2004@rambler.ru

Виктор Васильевич

ВОРОНОВ

Институт социологии ФНИСЦ РАН

Москва, Российская Федерация, 117218, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5

E-mail: viktor.voronov@du.lv

ORCID: 0000-0002-1022-3692; ResearcherID: V-9903-2018

Для цитирования: Маркин В.В., Силин А.Н., Воронов В.В. Образовательные траектории молодежи коренных малочисленных народов Севера: социально-пространственный дискурс // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2019. Т. 12. № 5. С. 141–154. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.9

For citation: Markin V.V., Silin A.N., Voronov V.V. Educational opportunities for young people of indigenous minorities of the North: social and spatial discourse. *Economic and Social Changes: Facts, Trends, Forecast*, 2019, vol. 12, no. 5, pp. 141–154. DOI: 10.15838/esc.2019.5.65.9

Аннотация. Актуальность рассматриваемой в статье проблемы обусловлена необходимостью обеспечения квалифицированными кадрами инвестиционных мегапроектов в арктическом регионе, при сохранении традиционной культуры, языка, ценностей жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера. В статье применены качественные и количественные методы социологических исследований, проведенных авторами в 2016–2017 годах на территории Ямало-Ненецкого автономного округа Тюменского региона России: массовые опросы северян, с выделением среди них коренных малочисленных народов Севера, глубинные интервью экспертов и другие. Анализ научной отечественной и зарубежной литературы по теме исследования, в том числе изучение российских и зарубежных практик образования разного уровня в арктических регионах, позволил оценить существующий уровень подготовки квалифицированных кадров для Арктики. Обоснованы возможные направления совершенствования системы этнорегионального образования, дана оценка удовлетворенности представителей аборигенных этносов системой общего и профессионального образования, ее соответствия желаемому будущему для своих детей. По результатам исследования сделаны следующие выводы. Общее и профессиональное этнорегиональное образование разного уровня Арктической зоны России нуждается в долгосрочной государственной и негосударственной поддержке, в том числе корпоративной и общественной, связанной с перспективной модернизацией всей его системы. Необходимо усилить взаимодействие вузов и других образовательных организаций с компаниями, которые участвуют в неоиндустриальном освоении Заполярья, в том числе с целью расширения подготовки специалистов по отраслям, связанным с традиционной жизнедеятельностью коренных северных этносов. Этнорегиональное образование в арктическом регионе следует рассматривать, опираясь на стандарты, принятые ЮНЕСКО для миноритарных групп населения, как инклюзивное образование, имеющее статус, отличный от других образовательных организаций, учитывая и малокомплектность большинства школ арктических поселений и кочевий. В то же время необходимо расширить диапазон образовательных траекторий молодежи коренных малочисленных народов Севера.

Ключевые слова: Арктика; коренные малочисленные народы Севера; профессиональное и этнорегиональное образование; уровни образования; традиции; социальные изменения; социологическая диагностика.

Введение

Социологическая диагностика наиболее значимого элемента человеческого капитала и потенциала — образовательной системы, реализуемая нами для циркумполярного арктического региона на примере Ямало-Ненецкого автономного округа (ЯНАО), входящего в Тюменскую область Российской Федерации, потребовала обратить наибольшее внимание на две ее подсистемы: профессиональное среднее и высшее образование для освоения крупнейших углеводородных (нефтегазовых) ресурсов и этнорегиональное дошкольное, начальное, среднее общее образование детей коренных северных народов. В данной работе авторы опираются на классификацию 8-ми уровней российской системы образования в формате международной стандартной классификации образования ЮНЕСКО [1]. Содержательно анализируются 0–7 уровни ISCED 2013.

Основная цель представленного исследования

— обоснование возможных направлений повышения качества образования разного уровня для коренных малочисленных народов Севера, оценка удовлетворенности представителей аборигенных этносов системой общего и профессионального образования, ее соответствия желаемому будущему для своих детей.

Актуальность рассматриваемой проблемы обусловлена, с одной стороны, необходимостью обеспечения квалифицированными кадрами намеченных в этом арктическом регионе инвестиционных мегапроектов, с другой — создания условий для сохранения традиционной культуры, языка, ценностей жизнедеятельности коренных малочисленных народов Севера (КМНС) и в то же время необходимостью расширения диапазона образовательных траекторий для молодежи этих народов.

До 2014 года нефтегазовые компании, участвующие в арктических проектах, массово привлекали зарубежных специалистов, готовых поработать в экзотических для них условиях Крайнего Севера за высокую зарплату, дополнительный социальный пакет при низких налоговых отчислениях. Однако после принятия международных санкций большинство из них было вынуждено покинуть Россию. Актуализировалась задача подготовки собственных специалистов. Одновременно усилилась значимость получения качественного начального, основного, среднего общего и профессионального среднего и высшего образования коренными северянами при сохранении ими культуры и языка своих этносов. Авторы проанализировали зарубежные и российские практики образования разного уровня в арктических регионах, провели полевые социологические исследования в ЯНАО, что позволило сформировать банк эмпирической информации, необходимой для решения этой проблемы, провести ее социологическую диагностику и предложить некоторые рекомендации для властных структур ЯНАО и других стейкхолдеров, которые могут представлять интерес также для других арктических регионов.

Следует отметить, что все уровни образования открыты для представителей КМНС. Однако их практическая реализация в необходимых для региона масштабах упирается в ряд объективных и субъективных барьеров. Среди объективных можно назвать следующие: привязанность КМНС к своему традиционному образу жизни; слабая ориентация у представителей этих народов на овладение промышленными профессиями, занятие предпринимательством и другое; компании, занимающиеся в Арктике добычей сырьевых ресурсов, слабо участвуют в профессиональной ориентации (в индустриальном аспекте) КМНС. Среди субъективных барьеров основной – КМНС в старших поколениях хотят сохранить свою самобытность, поэтому не всегда с желанием отпускают своих детей в новые сферы труда и занятости («большой мир профессий»), потому что они часто уже не возвращаются в свои семьи, в «малый мир» своего народа.

Обзор литературы

Имеющиеся по заявленной проблеме научные публикации в основном посвящены анали-

зу зарубежных практик дошкольного, начального и общего образования детей из числа коренных малочисленных северных этносов. В последние годы появился ряд серьёзных работ по различным аспектам этнорегионального образования в условиях промышленного освоения Российской Арктики, в том числе важному направлению образования КМНС – формированию компетентности в сфере действенного самоуправления коренных народов как перспективного и важного фактора стратегии развития арктических территорий [2–6]. Анализ показывает, что зарубежные образовательные практики во многом идентичны российским практикам. При этом имеющийся опыт реализации отдельных образовательных и социальных технологий может быть полезен в реалиях Российской Арктики.

Мировое сообщество признает за коренными народами Севера, помимо общих прав на получение образования, гарантированных конституциями арктических государств, также и дополнительные, в соответствии с Декларацией о правах коренных народов, принятой ООН в 2007 году, и в частности:

- право создавать и контролировать свои системы образования и учебные заведения, обеспечивающие образование на родном языке;
- право на сохранение, контроль и развитие своего культурного наследия и традиционных знаний;
- право не подвергаться принудительной ассимиляции и воздействию в целях уничтожения этнической культуры [7].

Данная Декларация не является документом обязательной юридической силы, это не международный договор, и Россия не стала подписывать указанный документ. Вместе с тем для Российской Федерации, в связи с актуализацией проблем КМНС, важно произвести полную имплементацию положений Декларации. Для этого можно использовать ст. 27 «Международного пакта о гражданских и политических правах» о том, что в странах, где существуют этнические меньшинства, лицам, принадлежащим к таким меньшинствам, не может быть отказано в праве совместно с другими членами той же группы пользоваться своей культурой, языком [8].

Отмеченные проблемы как столкновение культур и обучающих практик индустриальных и архаичных обществ содержательно рас-

смаstrиваются в исследованиях П. Бергера и его коллег [9].

Анализ практической реализации этих прав и особенностей сложившихся в разных арктических государствах систем образования детей арктических регионов показал, что проблемы здесь во многом схожи, однако технологии их решения имеют значимые отличия [10; 11]. Так, в Финляндии преподавание саамского языка и других предметов на нем ведется с начала 70-х годов прошлого века в ряде муниципалитетов административных районов саами. Однако сегодня 75% саамских детей уже живут за пределами этих районов и могут изучать свой язык лишь два часа в неделю. Основной проблемой здесь считают отсутствие учебных материалов на языке саами [12]. Между тем в саамском районе имеется Институт образования саами, дающий степень бакалавра как по современным (промышленная инженерия, информационные и коммуникационные технологии, ресторанный бизнес и кейтеринг, туризм и др.), так и традиционным для северян отраслям (оленоводство, саамский язык и культура, предпринимательство в народных промыслах саами и др.) [13].

В Норвегии обучение на саамском языке ведется в значительно больших масштабах. Уже в рамках дошкольного образования в муниципальных саамских детских садах оно полностью на родном языке, а в норвежских садах проводится несколько часов в неделю приходившим учителем. Педагогические кадры для саамских школ готовят в Саамском педагогическом колледже, Центре изучения коренных народов, Институте северных стран, Центре коренных народов Севера. Так, в Саамском педагогическом колледже есть факультеты саамской музыки, дошкольной педагогики, саамского школьного образования, саамского языка и литературы, оленеводства, прикладного ремесла, традиционных знаний, социальных наук, журналистики [14].

В Гренландии инуиты составляют более 90% всего населения острова и обязательное в возрасте от 7 до 16 лет образование ведется на инуитском языке. Высшее образование можно получить как в самой Гренландии, так и в Дании бесплатно с получением стипендии. Основной проблемой гренландского образования признана двойственность в требованиях к структуре

учебного процесса. С одной стороны, программа должна базироваться на усиленном изучении инуитского языка и культуры, с другой — ученик должен получить достаточный уровень знаний для возможности продолжить обучение в вузах Дании [15]. Усиление внимания к традиционной инуитской культуре снижает уровень конкурентоспособности выпускников-инуитов в сравнении с их датскими сверстниками за получение высшего образования и трудоустройства. Наиболее острыми проблемами в Гренландии считают то, что многие образованные гренландцы не владеют родным языком, а другие, получив высшее образование в Дании, не возвращаются домой.

Правительство Канады не вмешивалось в образование инуитов до 1955 года, когда было заключено соглашение о его федеральном управлении и частичном финансировании. Преодоление политики ассимиляции со стороны Оттавы в сфере образования, признание инуктикута государственным языком в Нунавуте позволило сохранить значительную часть инуитов, владеющих родным языком. Вместе с тем сохраняются социальные проблемы инуитов (безработица, удорожание жизни в условиях Арктики), препятствующие возможности получения ими качественного образования. Так, по данным Государственного статистического управления Канады, 71% инуитов в возрасте от 25 до 64 лет не имеют среднего образования, тогда как лишь 15% представителей других народов Канады в таком же возрастном диапазоне не имеют среднего образования. Если в среднем по Канаде 20,8% населения старше 15 лет имеют диплом уровня бакалавра и выше, то для инуитов этот показатель составляет всего 3,6% [16]. Фактически единственным вузом в канадской Арктике является Арктический колледж Нунавута (Nunavut Arctic College). Разработку стратегии образования инуитов, включая высшее образование, взял на себя Университет Арктики [17]. Одно из последних его исследований, в частности, показало, что обучение традиционному языку с младших классов способствует его сохранению, но усложняет переход к общению на английском языке в старших классах [18]. Так, переход с родного на английский язык в 3 классе оказался связан со значительным снижением личной самооценки [19].

Коренная проблема образования аборигенов Арктики в том, что не существует учебной программы, которая бы удовлетворяла все желания коренных жителей Севера, одновременно готовила успешных выпускников с уровнем знаний, как в общеобразовательных школах, и уделяла достаточное количество часов для обучения и сохранения традиционных навыков и культуры. В любом случае нужно делать выбор и, следовательно, чем-то жертвовать. Эта ситуация выбора присутствует не только в момент определения родителями или учащимися места обучения или программы образования, но и при составлении образовательных программ методистами и преподавателями [20]. Понятно стремление национальных сообществ сохранить самобытность, традиционные знания, среду обитания и народные промыслы. Однако нельзя отбирать возможность у членов этих сообществ делать собственный выбор в пользу развития и возможностей полноценной реализации их человеческого и социального потенциалов.

Интересен опыт Аляски, где правительство штата приняло и реализовало решение об обеспечении всех сельских поселений средними учебными заведениями с билингвальным образованием [21]. При этом Университет Аляски в г. Фэрбэнкс осуществляет 6 образовательных программ и 9 отдельных курсов по языкам коренных народов Аляски. Большинство аборигенных языков и их диалекты относятся к эскимосско-алеутской и атабаскско-эякско-тлинкитской языковым макросемьям. При этом на английском языке говорит дома и общается вне его более 2/3 коренных народов Аляски. Показательно, что в 2014 году парламент Аляски одобрил Билль о коренных языках Аляски, в соответствии с которым 20 языков коренных народов Аляски приобрели статус государственных, наряду с английским [22].

Впоследствии, правда, этот закон был отменен в судебном порядке на федеральном уровне. При этом следует отметить, что 17 из 20 языков этносов Аляски насчитывают менее 1 тысячи носителей [23]. Основной проблемой образовательной системы Аляски здесь считают низкую успеваемость представителей аборигенных этносов и, в результате, их значительно

более частое отчисление из школ и колледжей в сравнении с другими обучаемыми. Хотя в последние годы стипендии от корпораций и фондов позволили несколько улучшить ситуацию [24].

В России подготовку высококвалифицированных национальных кадров из числа КМНС с изучением их языков и культуры осуществляет Российский государственный педагогический университет им. А.И. Герцена (Санкт-Петербург), Федеральный государственный Северо-Восточный университет им. М.К. Аммосова (г. Якутск), Арктический государственный институт искусств и культуры (г. Архангельск), Югорский государственный университет (г. Ханты-Мансийск) и другие [25]. По мнению экспертов, опрошенных нами в ходе научных экспедиций 2017 и 2018 годов, существующая в нашей стране система арктического этнорегионального образования нуждается в перспективной модернизации по следующим основным направлениям:

- осуществление государственной поддержки образования КМНС;
- ее кадрового обеспечения;
- совершенствование учебных программ и образовательных технологий, ориентированных на северные реалии;
- развитие инклюзивности образования с учетом стандартов ЮНЕСКО для меньшинств;
- проведение комплексных междисциплинарных научных исследований образовательного пространства Российской Арктики, а также мониторинга изучения языков и культуры северных этносов.

Материалы и методы

Исследование особенностей и направлений перемен образования в арктическом регионе рассматривалось нами в дискурсе методологии П. Бурдьё как социально-пространственное образование [26]. Идентифицировались в первую очередь позиции и диспозиции социальных групп, выступающих в качестве акторов – носителей различных образовательных практик и видов деятельности, нуждающихся в профессионалах. Для получения необходимой эмпирической информации нами был реализован качественный и количественный социологический инструментарий: массовые опросы се-

рян, с выделением КМНС (табл. 1), глубинные интервью экспертов, проведение фокус-групп, контент-анализ СМИ и социальных сетей. Опросы и другие исследования проводились квалифицированными интервьюерами: аспирантами и преподавателями Тюменского индустриального университета, сотрудниками Западно-Сибирского филиала Федерального научного исследовательского центра Российской академии наук при грантовой поддержке Российского Фонда фундаментальных исследований.

Методический инструментарий разрабатывался нами и при некоторых корректировках в основном сохранялся, что позволило анализировать как динамику, так и территориальные факторы происходящих изменений.

Таблица 1. Социально-демографическая структура респондентов, представляющих КМНС, в % от числа опрошенных, (N=1340 чел.), 2018 г.

Показатели	Районы ЯНАО	
	Красноселькупский	Пуровский
1. Национальность		
Ненец	6,5	89,6
Ханты	1,8	2,0
Селькуп	90,5	7,3
Другие из числа КМНС	1,2	1,1
2. Пол		
Мужской	32,9	37,5
Женский	67,1	62,5
3. Возраст		
До 20 лет	1,9	5,3
21–30	20,9	25,3
31–40	32,9	35,8
41–50	25,9	27,4
51–60	13,3	4,2
Старше 60	5,1	2,1
4. Сфера деятельности		
Оленеводство	5,4	4,2
Рыболовство	3,6	7,3
Звероводство, охота	6,0	4,2
Нефтегазодобыча	6,0	7,9
Сфера обслуживания	7,1	3,1
Образование	19,0	26,0
Сфера культуры	13,1	10,4
Здравоохранение	10,1	11,3
Органы власти	1,2	6,3
Строительство	1,2	2,1
Народные промыслы	1,8	1,5
Коммерция	2,4	1,0
Транспорт, связь и др.	14,9	8,4
Безработный	19,0	6,3

Анализ результатов опроса фиксировался по четырем основным социальным группам респондентов: 1) старожилы северного региона (русские, татары и другие); 2) представители аборигенных этносов, коренных малочисленных народов Севера; 3) новоселы (прожившие в Арктике менее 5 лет); 4) вахтовики. При этом наибольшие сложности возникали с опросом кочевого населения из числа КМНС. Для этого нами привлекались представители общественных аборигенных организаций (в первую очередь «Ямал – потомкам») и местной интеллигенции.

Здесь требуется одно уточнение. В литературе дискутируется вопрос о том, кого относить к «старожилам» Севера. При определении этой категории мы руководствовались тремя обстоятельствами. Во-первых, в законодательстве, в отличие от КМНС, нет этой дефиниции. Попытки некоторых региональных legislatures не увенчались успехом, т. к. были узко ориентированы, например на «русских арктических старожилов Якутии» [27: 151-152]. Во-вторых, вопрос о том, считать ли старожилами тех, кто в числе местных жителей проживает на данной территории длительное время (поколение и больше), пока является дискуссионным из-за роста этнического самосознания аборигенов Севера. В-третьих, экстремальные природно-климатические условия жизни позволяют отнести к этой категории всех постоянных жителей (не «вахтовиков» и не новосёлов), проживших в местном сообществе более пяти лет, что является достаточным периодом для адаптации и дальнейших перспектив проживания в данном регионе. Поэтому мы относим к старожилам в ЯНАО проживающих там продолжительное время (более пяти лет) не только русских, но и татар, украинцев, представителей других этнокультурных групп.

Результаты исследования

В работе, в разной степени, рассматриваются 0–7 уровни образования согласно Международной стандартной классификации образования МСКО 2013 (ISCED 2013), в которых представлены КМНС [28]. Укажем на особенности получения образования при прохождении того или иного из его уровней.

Для дошкольного образования (ISCED уровень 0) – это нахождение детей в тундре, в отрыве от стационарных дошкольных учреждений. Социализация детей, подготовка их к школе практически является заботой семьи, и главным образом матери ребёнка в качестве «работницы чума». В настоящее время при подготовке детей КМНС к школе стала распространённой практика подготовительных классов в школах-интернатах, когда ребёнка привозят из тундры в ближайший посёлок, где есть такая школа для детей КМНС и где он получает необходимую подготовку, чтобы успешно осваивать программы начального и среднего общего школьного образования.

Школьное образование (ISCED уровни 1, 2, 3) для детей КМНС также имеет особенности. Оно функционирует в двух формах: во-первых, как стационарное получение начального, основного и среднего общего образования, когда дети учатся и живут в процессе обучения в школе-интернате. Во-вторых, как получение начального образования в кочевых условиях [29; 6]. В последнем случае детей КМНС помещают в тундровые школы, когда ряд семей аборигенов, находящихся в совместной кочевке («кас-лании») с оленями в тундре, организуют кочевую школу 1–2 уровней образования, где детей учат специально подготовленные учительницы начальных и основных классов, как правило, члены объединившихся семей. Таких учителей готовят в педучилищах Тюменской области (г. Тюмень, г. Тобольск, посёлок Голышманово и другие), а также в Ямальском многопрофильном колледже (г. Салехард), с филиалом в г. Лабитнанги.

Профессиональное среднее и высшее образование (ISCED уровни 4–5, 6–7) для детей КМНС не носит массового характера.

Особенно это касается уровней 6–7 (бакалавриат, специалитет, магистратура). Для двух последних уровней среди детей КМНС распространена дистанционная форма обучения. При этом девушки предпочитают педагогические и медицинские специальности, а юноши – аграрные специальности (зоотехники и зооветеринары) или экономические. Национальные политические, управленческие кадры для КМНС в основном готовят Тюменский государственный университет, Тюменский индустриальный университет, а также вузы близлежащих регионов [30].

Наше исследование выявило образовательные траектории и привлекательность сфер деятельности в дискурсе уровня образования (табл. 2).

Как следует из данных таблицы 2, на 1-м месте у КМНС с образованием уровня 0–5 остаются традиционные промыслы, что объясняется достаточностью этих полученных уровней образования для занятий оленеводством, охотой, рыбалкой и т.д. Вместе с тем всё более весомым становится тренд привлекательности для КМНС занятости в нефтегазовом секторе экономики региона и соответствующем уровне образования. Весьма слабо выражена ориентация на коммерческо-предпринимательскую деятельность, особенно с повышением уровня образования (считается, что здесь достаточно простой грамотности). В органы управления стремится лишь небольшая часть КМНС, это связано с нежелательностью отрыва от традиционного образа жизни.

Ранее нами также изучалось качество высшего профессионального образования для нефтегазовой отрасли арктического региона. Было опрошено 670 студентов старших курсов, 560 преподавателей профильных дис-

Таблица 2. Привлекательность различных сфер деятельности для КМНС ЯНАО в зависимости от уровня образования респондентов, % от числа опрошенных (N= 1340 чел.), 2017 г.

Сферы деятельности	Уровень образования				
	ISCED 0	ISCED 1	ISCED 2-3	ISCED 4-5	ISCED 6-7
1. Традиционные промыслы	50,0	55,0	56,1	42,0	25,6
2. Нефтегазовая промышленность	8,3	25,0	21,5	33,3	30,8
3. Коммерция и предпринимательство	25,0	10,0	8,4	7,2	12,8
4. Органы управления	-	5,0	7,5	5,8	23,1
5. Другая	16,7	5,0	6,5	11,6	7,7
Итого	100,0	100,0	100,0	100,0	100,0

Таблица 3. Оценка качества подготовки региональными российскими вузами высококвалифицированных профессиональных кадров нефтегазового профиля для Арктики, в % от числа опрошенных (N=1425 чел.), 2017 г.

Оценка	Студенты	Преподаватели	Работодатели
Отлично	18,3	10,1	2,4
Хорошо	29,1	49,3	20,1
Удовлетворительно	36,9	25,4	35,0
Неудовлетворительно	3,1	13,2	39,1
Затрудняюсь ответить	12,6	2,0	3,4
Итого	100,0	100,0	100,0

циplin и 195 руководителей разного уровня, представляющих нефтегазовые компании, дислоцированные на территории ЯНАО. Подготовку специалистов-нефтяников в России осуществляют четыре университета: Московский имени Губкина, Тюменский индустриальный, Уфимский нефтяной технический и Ухтинский технический. Некоторые результаты проведенного исследования приведены в табл. 3 и в [5].

Эксперты высказали мнение о недостаточности владения молодыми специалистами иностранными языками, информационными технологиями, знаниями о специфике арктических регионов и практическими навыками по своей специальности. Особенно важной, по их мнению, является улучшение взаимодействия вузов с предприятиями и организациями для формирования и реализации ориентированных для Арктики образовательных программ, учитывающих уже начатые и перспективные мегапроекты в высокоширотных регионах.

Невысокие в сравнении с оценками преподавателей и студентов оценки представителей профильных предприятий сопровождались конкретными предложениями по изменению структуры и содержания учебного процесса.

Главный же вывод, сделанный в ходе этого исследования, заключается в том, что опорный региональный университет, эффективно взаимодействующий с властью, бизнесом, гражданским обществом, должен стать главным интегратором инновационного неоиндустриального освоения арктического региона. Должен выступить координатором формирования новых партнерских структур (бизнес-инкубаторов, технопарков и др.), полигоном отработки эффективных технологий и бизнес-процессов и в итоге — одним из основных акторов устой-

чивого социально-экономического и социокультурного развития территории Российской Арктики.

Кроме специалистов нефтегазового профиля, которых готовят для Арктики упомянутые выше университеты, считают эксперты, нужно расширить или начать подготовку по отраслям, связанным с традиционной жизнедеятельностью КМНС. Речь идет об оленеводстве и глубокой переработке оленины, рыболовстве и переработке рыбы, аквакультуре, туризму, биотехнологиям, художественному изготовлению сувениров, северной логистике, арктической экологии, северному городскому хозяйству, а также инженерно-техническим, медицинским, педагогическим, управленческим специальностям и другим, востребованным в условиях циркумполярного региона.

Более детально специфика, проблемы и возможности их решения в сфере северного образования и подготовки кадров для неоиндустриального освоения Арктики изучались нами в ходе двух последних экспедиций. Первая состоялась в сентябре 2017 г.: в городах Салехард и Новый Уренгой и на территории Ямальского района ЯНАО (поселок Яр-Сале и другие) были проведены глубинные интервью экспертов, так или иначе связанных с образованием юных северян и формированием трудовых ресурсов для циркумполярного региона. Было опрошено 140 экспертов: это директора школ и руководители департаментов образования, представители исполнительной власти ЯНАО и муниципальных образований округа, депутаты Законодательного собрания ЯНАО, районных, городских и поселковых законодательных органов, представители работодателей, национально-культурных организаций, средств массовой информации и другие.

Для изучения реальной ситуации в сфере образования КМНС нами был выбран один из северных этносов, по которому до сих пор не проводилось специальных исследований. Согласно переписи 2010 г. в России проживали 3,6 тыс. селькупов, в том числе 2 тыс. в ЯНАО, 1,2 тыс. в Томской области, 0,3 тыс. в Красноярском крае.

В мае 2018 года нами была проведена научная экспедиция на территории компактного проживания большей части этноса селькупов – Красноселькупском районе ЯНАО. Его центр – село Красноселькуп, где проживают 769 селькупов, что составляет 19,7% среднегодовой численности постоянных жителей этого поселения. В селе оказалась прекрасная школа, не уступающая по материально-технической оснащённости и некоторым московским, однако селькупский язык в ней не преподают. Местные органы власти объяснили это отсутствием педагогов и малой востребованностью у детей, которые привыкли общаться на русском. Преподается селькупский язык в начальных классах школ двух поселений этого района: селения Ратта, где живут 195 селькупов (87,7% населения), и селения Толькинское, где 629 человек – селькупы, составляющие 34% всего населения. Основные занятия в районе – рыболовство, охота, сбор и переработка дикоросов, оленеводство. При этом лишь четверть селькупов ещё сохраняет знание родного языка. Следует отметить характерную особенность востребованности обучения родному языку в арктическом регионе. Современное поколение молодёжи КМНС во многом являются «пассивными носителями» языка, так как прервана языковая связь поколений, зачастую нет внутрисемейного общения на родном языке, родители часто сами не поддерживают его изучение, ибо видят смысл и перспективу для детей в изучении государственного и/или языка международного общения (например, английского). В этой связи, по данным некоторых СМИ, Министерство просвещения России намерено планировать сокращение обучения северных этносов родному языку по всем субъектам Арктической зоны России с 3 до 1 часа в неделю, что нельзя признать социально обоснованным и оправданным.

Подготовкой квалифицированных учителей селькупского языка в России занимаются два вуза: Институт народов Севера в составе Российского государственного педагогическо-

го университета им. А.И. Герцена и Томский государственный педуниверситет. В самом ЯНАО специалистов в области родных языков и культуры КМНС готовит лишь одно учреждение среднего профессионального образования – Ямальский многопрофильный колледж в г. Салехарде, с филиалом в г. Лабытнанги. Этнорегиональное образование в регионе пока находится в начальной стадии перспективной модернизации и нуждается в долгосрочной государственной и корпоративной поддержке, которую оно отчасти уже получает. Например, в ЯНАО, в рамках национального проекта «Образование», до 2024 года направят более 32,2 млрд. рублей. На эти средства планируется построить 27 школ на 14 тысяч 925 мест, создать три детских технопарка «Кванториум» в Салехарде, Новом Уренгое и Ноябрьске, открыть центр опережающей профессиональной подготовки на базе Ноябрьского колледжа профессиональных и информационных технологий и другое. Предусмотрено активное участие в реализации проекта представителей реального сектора экономики, ведущих научных деятелей, изобретателей и предпринимателей [31]. Под этнорегиональным образованием мы понимаем образовательную систему, интегрирующую поликультурность и полиэтничность арктического региона с учётом конкретного этноса, чтобы обеспечить гармоничную образовательную среду с опорой на исторические и национально-культурные традиции, духовно-нравственные ценности. Должны быть выражены как особенности менталитета и жизнеустройства аборигенных этносов, так и необходимость сохранения единства и целостности культурно-образовательного пространства России в духе приверженности движению по Болонскому процессу. Центральной проблемой при этом оказывается формирование и интеграция этнической и общероссийской идентичности. Осознание себя причастным к духовно-нравственному наследию своих предков, наследником и носителем языка, культуры, духовных традиций своего этноса и одновременно гражданином многонациональной России, органичной частью культуры которой является и культура разных, в том числе и северных, этносов, – смысл идентификации, являющейся ценностным основанием для формирования и развития этнорегионального образования. Полевые

исследования, проведенные нами в 2017 и 2018 гг. на территории ЯНАО, показали, что своеобразным интегратором гражданской и этнической идентичности нередко становится этнорегиональная идентичность. При изучении самоосознания жителей удаленных от центра поселений ЯНАО оказалось, что доля ощущающих себя «северянином» и «ямальцем» выше общероссийской и этнической идентичности («россиянин», «славянин», «русский», «ненец», «селькуп» и др.) и локальной («салехардец», «новоуренгоец» и другое). Это подтверждает результаты исследования социально-пространственной трансформации территории Арктического макрорегиона, сделанные нами ранее [32]. Ниже приведены некоторые результаты опроса представителей КМНС, проведенного нами по репрезентативным выборкам в Красноселькупском и Пуровском районах ЯНАО в мае 2018 года. В Пуровском районе (поселок Тарко-Сале, N=519, р±3,1%) уже длительное время ведется добыча природного газа, в Красноселькупском (поселки Красноселькуп, Толька, Ратта, N=821, р±2,9%) лишь начато его индустриальное освоение. При этом выборка была репрезентативная не только для периферийных районов ЯНАО в целом, но и для каждого вышеуказанного района.

В блоке анкеты, направленном на выявление волнующих северян проблем, опрашивалось, в какой степени они озабочены образованием и воспитанием детей. Выяснилось, что эта проблема для представителей аборигенных этносов весьма актуальна. При выяснении уровня удовлетворенности различными элементами жизнедеятельности КМНС спрашивалось, насколько важна проблема получения образования и уровень удовлетворенности респондентов образованием детей (табл. 4).

Очевидны как высокая значимость проблемы образования, так и невысокий уровень удовлетворенности этим аспектом своей жизни коренных жителей Пуровского района, что подтверждает отнесение ими этой проблемы в число первоочередных.

Респондентам был также задан вопрос: «Какой судьбы Вы хотели бы для своих детей?». Результаты высказанных мнений приведены в таблице 5.

Следует отметить, что Пуровский район ЯНАО с начала 70-х годов XX века включён в процесс индустриального развития, в то время как Красноселькупский район и его коренные жители столкнулись с опытом «цивилизации» сравнительно недавно, с начала 2000-х годов. Коренные малочисленные народы Севера Пу-

Таблица 4. Значимость проблемы образования детей и уровень удовлетворённости её решением в оценке КМНС, в % от числа опрошенных, (N=1340 чел.), 2018 г.

А. Степень актуальности проблемы	Район ЯНАО	
	Красноселькупский	Пуровский
1. Волнует в первую очередь	86,1	82,1
2. Волнует во вторую очередь	13,9	17,9
Б. Уровень удовлетворенности образованием своих детей		
1. Удовлетворён полностью	54,7	16,1
2. Частично удовлетворён	30,9	52,7
3. Не удовлетворен	14,4	31,2

Таблица 5. Желаемая жизненная перспектива для своих детей по оценкам респондентов, представителей КМНС ЯНАО, в % от числа опрошенных, (N=1340 чел.), 2018 г.

Варианты будущего для детей КМНС, определяющие стратегию образования	Район ЯНАО	
	Красноселькупский	Пуровский
1. Пользоваться всеми благами современной цивилизации за счет ухода от традиционных форм жизни	28,0	31,8
2. Сохранить традиционный образ жизни даже за счет отказа от каких-то благ цивилизации	22,6	41,2
3. Дети должны сами выбирать свой жизненный путь	49,4	27,0

ровского района имеют большой, многолетний опыт взаимодействия с индустриальной цивилизацией, поэтому они более критично, чем коренные жители Красноселькупского района, относятся ко всему новому и активнее выступают за сохранение и развитие традиционного образа жизни.

Обсуждение и заключение

Резюмируя полученные в ходе социологических исследований результаты, можно констатировать, что как общее, так профессиональное этнорегиональное образование разного уровня Арктической зоны Российской Федерации нуждается в долгосрочной государственной и негосударственной поддержке, в том числе корпоративной и общественной, связанной с перспективной модернизацией всей его системы. Необходимо дополнить учебные программы курсами, позволяющими получить знания о специфике арктического региона, усилить взаимодействие вузов с компаниями, участвующими в неоиндустриальном освоении Заполярья, в том числе с целью расширения подготовки специалистов по отраслям, связанным с традиционной жизнедеятельностью коренных северных этносов. Образовательные организации, ведущие профессиональную подготовку, должны учитывать необходимость расширения образовательных траекторий для КМНС: не только по традиционно профилируемым специальностям, но и по новым, социально значимым (медицинским навыкам, социальной работе, педагогической подготовке, управленческим компетентностям, ИТ-технологиям и другим). Необходимо наладить механизмы целевого направления и квотирования для поступления молодёжи КМНС в вузы, другие образовательные организации Тюмени, Югры, Москвы и Санкт-Петербурга, с дополнительным обсуждением заинтересованными сторонами правовой и финансовой основ таких механизмов. Например, в отношении предоставления молодёжи КМНС на законодательном уровне права получать преференции в виде баллов при поступлении в вузы и другие образовательные организации, при успешной сдаче экзамена или спонсорской стипендии от заинтересованных в квалифицированных национальных кадрах корпораций «Газпром», «Роснефть», «Новатэк» и других.

Сегодня родные языки коренных малочисленных народов Севера России не являются

языками обучения, преподаются лишь в начальных классах от 1 до 3 часов в неделю либо факультативно от 1 до 2 часов в неделю. Фактически отсутствуют учебно-методические пособия, профессионально подготовленные кадры учителей. Реальная педагогическая практика также нередко оказывается не обеспеченной необходимыми правовыми, научно-методическими, организационными и материальными условиями осуществления этнокультурного образования, в том числе из-за отсутствия единого алфавита в отдельных языках (например, в хантыйском). Созданные в ЯНАО кочевые малокомплектные школы нуждаются в серьезной материально-технической поддержке, в первую очередь, со стороны региональных и муниципальных властных структур. В современных условиях изменилась и образовательная парадигма, и смысловое наполнение понятия «кочевая школа». Потребовалось согласовать ее положения с Федеральными образовательными стандартами, создать информатизированную образовательную среду и т.д. Сегодня учебный процесс в кочевой школе продолжается круглый год: обучение сменяется каникулами, на смену урокам приходит практика на сезонном кочевье. Кочевые школы открываются как в стационарном варианте, на базе факторий, родовых общин, перевалочных баз, так и в мобильном — кочуют вместе с оленеводческим стадом.

Образовательный проект «Кочевая школа» получил в ЯНАО нормативное закрепление с 2012 года, началась подготовка для него специализированных кадров в Ямальском многопрофильном колледже. Здесь подготовлены новые учебные курсы этнопедагогики, этнопсихологии, литературного краеведения, этнологии, культуры народов Ямала; в учебные планы включены такие базовые дисциплины, как «Оленеводство», «Хозяйка чума», «Рыболовство», «Малая техника Севера», «Основы национального шитья», «Национальная кухня», «Народная медицина»; в учебных мастерских стали учить изготовлению меховой одежды и обуви, бисероплетению, резьбе по кости. На уроках физкультуры апробируется образовательная программа «Северное многоборье». Получив необходимые теоретические знания в период очных выездных сессий, студенты Ямальского многопрофильного кол-

леджа значительную часть учебного времени находятся в кочевых школах, на практике закрепляя полученные знания.

Специального исследования заслуживает вопрос о пользе (разносторонняя социализация детей) и недостатках (отрыв от семьи и традиционного уклада жизни) деятельности школ-интернатов в системе общего образования КМНС.

Очевидно, что этнорегиональное образование в арктическом регионе следует рассматривать, опираясь на стандарты, принятые ЮНЕСКО для миноритарных групп населения, как инклюзивное образование, имеющее статус, отличный от других образовательных учреждений, учитывая и малокомплектность большинства школ арктических поселений и кочевий.

Литература

1. Уровни образования в России. URL: <http://273-фз.рф> / (дата обращения: 16.07.2019). Области образования и профессиональной подготовки 2013 (МСКО-0 2013) / Институт статистики ЮНЕСКО. Монреаль: UNESCO, 2014. 23 с.
2. Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / под. ред. В.А. Тишкова; авторский коллектив: В.А. Тишков, О.П. Коломиец, Е.П. Мартынова, Н.И. Новикова, Е.А. Пивнева, А.Н. Терехина; Ин-т этнологии и антропологии РАН им. Н.Н. Миклухо-Маклая. М; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.
3. Любимова Е.А. Этнорегиональное образование как социальный институт: особенности функционирования в Сибири // Вестник Тюменского государственного университета. Социально-экономические и правовые исследования. 2016. Том 2. № 4. С. 50–63. DOI: 10.21684/2411-7897-2016-2-4-50-63
4. Егоров В.Н. Малокомплектная кочевая школа как социально-педагогическая закономерность в развитии школьной сети в условиях Севера: автореферат дис. ... кандидата педагогических наук : 13.00.01 / НИИ национальных школ Республики Саха (Якутия). Якутск, 1999. 21с.
5. Контур будущего российской Арктики: опыт построения комплексных сценариев развития арктической зоны России до 2050 г. / А.Н. Петров, М.С. Розанова, Е.М. Ключникова и др. // Ученые записки Российского государственного гидрометеорологического университета. 2018. № 53. С. 156–171.
6. Кочевая школа: инновационные проекты / Г.И. Вануйто и др. Салехард: ГАОУ ДПО ЯНАО «Риро», 2015. 83 с.
7. Декларация Организации Объединенных Наций о правах коренных народов (2007). URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/declarations/indigenous_rights.shtml (дата обращения: 18.08.2019).
8. Международный пакт о гражданских и политических правах. Принят резолюцией 2200 А (XXI) Генеральной Ассамблеи от 16 декабря 1966 года. URL: https://www.un.org/ru/documents/decl_conv/conventions/pactpol.shtml (дата обращения: 15.09.2019).
9. Berger P., Epp J. R., Møller H. The predictable influences of culture clash, current practice, and colonialism on punctuality, attendance, and achievement in Nunavut schools. *Canadian Journal of Native Education*, 2006, vol. 29, no. 2, pp. 182–205.
10. Kanu Y. Teachers' perceptions of the integration of Aboriginal culture into the high school curriculum. *Alberta Journal of Education Research*, 2005, vol. 51, no. 1, pp. 50–68.
11. Oskineegish M. Developing culturally responsive teaching practices in First Nations communities: learning Anishnaabemowin and land-based teachings. *Alberta Journal of Education Research*, 2015, vol. 60, no. 3, pp. 508–521.
12. Aikio-Puoskari U. The ethnic revival, language and education of the Sami, an indigenous people, in three Nordic countries: Norway, Finland and Sweden. In: *Social Justice through Multilingual Education*. 2009. Pp. 238–262.
13. Лемпинен П. Системы финского образования и квалификации // Образование и наука. 2014. № 5 (114). С. 125–138.
14. Научно-образовательное пространство Арктики: Норвегия / К.С. Зайков, М.Р. Калинина, Е.А. Шепелев и др. // Арктика и Север, 2016. № 23. С. 144–170.
15. The Danish Education System. The Ministry of Higher Education and Science, The Ministry for Children, Education and Gender Equality and The Ministry of Culture. Available at: <https://ufm.dk/en/publications/2016/the-danish-education-system> (accessed: 12.04.2019).
16. Statistics Canada. Available at: <http://www12.ststcan.gc.ca/nhs-enm/2011/dp-pd/dt-td> (accessed: 12.04.2019).

17. Aylward L.M. Discourses of cultural relevance in Nunavut schooling. *Journal of Research in Rural Education*, 2007, vol. 22, no. 7, pp. 1–9.
18. Alaska Native Language Center // UAF. Available at: <http://www.uaf.edu/anlc/classes> (accessed: 15.07.2019).
19. Cherubini L., Hodson J. Ontario Ministry of Education Policy and Aboriginal Learners' epistemologies: a fundamental disconnect. *Canadian Journal of Educational Administration and Policy*, 2008, no. 79, pp. 1–33.
20. Lewthwaite B., Owen T., Doiron A., McMillan B., Renaud R. Our stories about teaching and learning: a pedagogy of consequence for Yukon first nation settings. *Interchange: A Quarterly Review of Education*, 2013, vol. 44, no. 1–2, pp. 105–128.
21. Barnhardt R., Kawagley A.O. Indigenous knowledge systems and Alaska: native ways of knowing. *Anthropology and Education Quarterly*, 2005, no. 36 (1), pp. 8–23.
22. Смирнова О.О., Смирнов О.А. Эволюция образовательного процесса коренного населения в сельских школах Аляски // Педагогический журнал, 2016. № 3. С. 222–230; Аляска / Alaska. Available at: <https://ru.wikipedia.org/wiki/Аляска> (дата обращения: 21.09.2019).
23. Такасами Н.Ч. Особенности среднего образования на Аляске на рубеже XX–XXI веков // Известия Российского государственного педагогического университета им. А.И. Герцена. 2008. № 12 (81). С. 282–289.
24. Швайцер П. Коренные народы и урбанизация на Аляске и на Канадском Севере // Этнографическое обозрение. 2016. № 1. С. 10–22.
25. Маркин В.В., Силин А.Н. Человеческий и социальный потенциал неоиндустриального освоения Арктики: социологический анализ, моделирование, регулирование. // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз. 2017. Т. 10. № 6. С. 75–88. DOI: 10.15838/esc.2017.6.54.5
26. Бурдые П. Социология социального пространства. М.: Институт экспериментальной социологии. СПб: Алетейя, 2007. 388 с.
27. Боякова С.И. Правовой статус и этническая идентичность русских арктических старожилов Якутии // Арктика XXI век. Гуманитарные науки. 2016. № 4 (10). С. 145–153.
28. Glossary: International standard classification of education (ISCED). Available at: https://ec.europa.eu/eurostat/statisticsexplained/index.php/glossary:international_standard_classification_of_education (accessed: 10.08.2019).
29. Цимбалистенко Н.В. Кочевое образование: перспективы развития экспериментальной деятельности по созданию школы нравственного развития // Научный вестник Ямало-Ненецкого автономного округа. 2016. Вып. 3 (92). С. 34–38.
30. Маркин В.В., Силин А.Н. Циркумпольный регион в контурах социально-пространственной трансформации территории (на примере Ямала) // Экономические и социальные перемены: факты, тенденции, прогноз, 2016. № 6 (48). С. 28–52. DOI: 10.15838/esc.2016.6.48.2
31. В ЯНАО на нацпроект «Образование» до 2024 года направят более 32,2 млрд рублей. URL: <http://www.edu.ru/news/nacionalnyy-proekt-obrazovanie/v-ya-nao-na-nacproekt-obrazovanie-do-2024-goda-napr/> (дата обращения: 18.08.2019).
32. Silin A.N., Tkacheva N.A. Formation of human resources in the process of circumpolar region development. *International Journal of Economic and Financial Issues*, 2015, no. 5, pp. 121–127.

Сведения об авторах

Валерий Васильевич Маркин – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; e-mail: markin@isras.ru)

Анатолий Николаевич Силин – доктор социологических наук, профессор, главный научный сотрудник, Западно-Сибирский филиал Института социологии ФНИСЦ РАН (625003, Российская Федерация, г. Тюмень, ул. Ленина, 16); Тюменский индустриальный университет (625000, Россия, г. Тюмень, ул. Володарского, 38; e-mail: sm-2004@rambler.ru)

Виктор Васильевич Воронов – доктор социологических наук, профессор, ведущий научный сотрудник, Институт социологии ФНИСЦ РАН (117218, Российская Федерация, г. Москва, ул. Кржижановского, 24/35, корп. 5; e-mail: viktor.voronov@du.lv)

Markin V.V., Silin A.N., Voronov V.V.

Educational Opportunities for Young People of Indigenous Minorities of the North: Social and Spatial Discourse

Abstract. The relevance of the problem considered in this article is due to the need to provide qualified personnel for investment megaprojects in the Arctic region, while preserving the traditional culture, language, and life values of indigenous peoples of the North. We use qualitative and quantitative methods of the sociological research we conducted in 2016–2017 on the territory of Yamalo-Nenets Autonomous Okrug of the Tyumen region of Russia: mass surveys of northerners, highlighting among them the indigenous peoples of the North, in-depth interviews of experts and so on. The analysis of scientific domestic and foreign literature on the subject of the study, including the study of Russian and foreign educational practices of different levels in the Arctic regions, allows us to assess the current level of training of qualified personnel for the Arctic. We substantiate possible ways to improve the system of ethno-regional education, assess the satisfaction of representatives of aboriginal ethnic groups with the system of general and professional education and its compliance with the desired future for their children. According to the results of the study, we make the following conclusions. General and professional ethno-regional education for different levels of the Arctic Zone of Russia needs long-term state and non-state support, including corporate and non-governmental support associated with the prospective modernization of its entire system. It is necessary to strengthen the interaction of universities and other educational organizations with companies that participate in neo-industrial development of the Arctic with the aim of expanding the training of specialists in the industries related to the traditional life of indigenous Northern ethnic groups. Ethno-regional education in the Arctic region should be considered on the basis of the standards adopted by UNESCO for minority groups as an inclusive education having a status different from other educational organizations, taking into account the smallness of the majority of schools in Arctic settlements and nomad camps. At the same time, it is necessary to expand the range of educational opportunities for young people who belong to the indigenous peoples of the North.

Key words: Arctic, indigenous peoples of the North, professional and ethno-regional education, levels of education, traditions, social changes, sociological diagnostics.

Information about the Authors

Valerii V. Markin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (24/35, Krzhizhanovsky Street, building 5, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: markin@isras.ru)

Anatolii N. Silin – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Chief Researcher, West Siberian Branch of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (16, Lenin Street, Tyumen, 625003, Russian Federation); Tyumen Industrial University (38, Volodarsky Street, Tyumen, 625000, Russian Federation; e-mail: sm-2004@rambler.ru)

Viktor V. Voronov – Doctor of Sciences (Sociology), Professor, Leading Researcher, Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of RAS (24/35, Krzhizhanovsky Street, building 5, Moscow, 117218, Russian Federation; e-mail: viktor.voronov@du.lv)

Статья поступила 13.09.2019.